

Наталья Антонова

Убийство
ПО ЛЮБВИ

РАССЛЕДОВАНИЕ
• 30 •
ЧАШЕЧКОЙ
~ 700 ~

Уютный детектив

Уютный детектив

Наталия Антонова
Убийство по любви

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Антонова Н. Н.

Убийство по любви / Н. Н. Антонова — «Эксмо»,
2020 — (Уютный детектив)

ISBN 978-5-04-109181-1

Стоит такая жара, что детективам хочется только лежать под яблоней, но никак не расследовать убийства. Но они не могут отказать парню из маленького городка, который ищет пропавшую подругу. Вскоре им удаётся узнать, что девушка убита в парке, где обычно назначают встречу влюблённые. По словам её подруги, у девушки был молодой человек, имя которого она тщательно скрывала от всех. Почему? Может быть, он был женат, а может, его обеспеченные родители не одобрили бы брак с простой девушкой? Детективам придётся выяснить, был ли молодой человек убийцей, или кому-то другому понадобилось избавиться от неё...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109181-1

© Антонова Н. Н., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Наталья Антонова

Убийство по любви

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

© Антонова Н.Н., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Аромат отцветающего жасмина окутывал сад. Жара, установившаяся в области, чувствовалась даже под раскидистой кроной старой яблони. Детективы Мирослава и Морис сменили брюки на шорты, и лишь пушистый черный кот Дон поневоле продолжал и носить свою роскошную шубку, которая на солнце переливалась всеми оттенками шоколада.

Мирослава лежала на животе и лениво перелистывала страницы книги. Она с детских лет сохраняла верность именно бумажным фолиантам. Мориса порой умиляла ее привычка по-кошачьи обнюхивать страницы новых книг и зажмуривать от удовольствия глаза. Ему даже казалось, что еще немного, и она замурлычет, как большая довольная жизнью кошка. «Но до мурлыканья дело так ни разу и не дошло», – с некоторой долей сожаления констатировал Морис.

В данное время он сидел рядом на ковре и пытался рассмотреть спрятавшегося в листве певчего дрозда. Но ему это никак не удавалось, казалось, что птичка просто слилась с ветками и листьями, затерявшись среди отблесков солнца и наплывов теней. Вставать же и идти в дом за биноклем ему не хотелось, потому как за то время, которое он потратит на поиск оптики, птичка вполне могла упорхнуть.

– Морис, – донесся до него тем временем голос Мирославы, – посмотри, пожалуйста, мне на ноги комар не сел?

Миндаугас с удовольствием оглядел длинные стройные ноги Мирославы и ответил:

– Нет, никого не видно.

– Будь другом, почеси под коленкой, ужасно чешется, – попросила она, не отрываясь от книги.

Друг детства Шура Наполеонов непременно обозвал бы ее лентяжкой, но Морис безропотно выполнил ее просьбу, осторожно погладив рукой под левой коленкой. Почему под левой? Потому, что она была ближе к нему.

Но Мирослава после того, как он убрал руку, сказала:

– У меня чешется под правой коленкой.

Пытаясь дотянуться до правой ноги, Морис задел Дона, и тот недовольно мяукнул.

– Извини, – проговорил Миндаугас.

– Вот теперь хорошо, – сказала Мирослава и потянулась всем телом, а потом обратилась к коту:

– Слушай, Дон, будь другом, принеси попить чего-нибудь холодненького.

Кот, естественно, и ухом не повел. Вместо него с ковра поднялся Морис и направился в дом. Вскоре он вернулся с двумя кружками домашнего кваса. Среди радужной пены, пахнущей мятой, плавали крохотные айсберги льда.

– Ты просто чудо, – сказала Мирослава и села.

Он спрятал улыбку в уголках губ.

Она сделала пару глоточков.

– Красота! – и замерла, точно поймала за хвост какую-то мысль, пролетающую мимо.

Выйдя из задумчивости, она спросила:

– Морис, как ты думаешь, удобно ли есть лежа?

– Что? – удивился он.

– Удобно ли, по-твоему, есть лежа? – терпеливо повторила она.

– Лично мне нет, – ответил он.

– А как же древние греки лежа пировали?

– Я не был на их пирах, и мне трудно об этом судить.

– Жаль...

Он не понял, чего именно ей было жаль: что не довелось участвовать в греческих пирах или что нет ответа на вопрос об удобстве приема пищи лежа. И тут он снова услышал ее голос:

– Надо Шуру спросить.

Морис на этот раз не сумел сдержать улыбки по той простой причине, что Шура мог есть в любом положении, лишь бы было чего есть. В это время зазвонил стационарный телефон в доме.

– Морис, надо протянуть провод до яблони и поставить телефон тут! – Мирослава шлепнула ладонью по краю ковра.

Морис махнул рукой и отправился в дом.

– Только не клиент! – жалобно крикнула она ему вслед.

Но это был клиент, о чем, вернувшись, ей и сообщил Миндаугас. И на ее решительно протестующий жест с улыбкой ответил:

– Я не мог отказать голосу, переполненному мольбой о помощи и невероятной болью.

– Голос, конечно, был женский, – не преминула отпустить ироничный комментарий Мирослава.

– Нет, мужской, – ответил Морис и добавил: – Кажется, звонил молодой парень.

– И когда он приедет?

– Договорились на семь вечера.

– Ты думаешь, надо будет одеться? – печально спросила она, приподнялась, подтянула ноги и положила на них подбородок.

– Я думаю, что надо, – едва заметно улыбнулся он.

– Так жарко!

– Я много раз говорил вам о кондиционере.

Она замахала на него руками, потом снова перевернулась на живот и уткнулась в книгу.

Морис тихо вздохнул, он знал, что если он начнет убеждать ее в преимуществах современных сплит-систем, то ему придется в который уже раз выслушать печальную историю о гибели 34 американских легионеров после 49-го ежегодного съезда Американского легиона, состоявшегося в 1976 году в гостинице в Филадельфии. Доводы о том, что сейчас уже XXI век, кондиционеры стали иными и, если следить за их чистотой, они не представляют никакой опасности, на Мирославу не действовали. Она упорно твердила, что микробы и бактерии по-прежнему сидят в кондиционере и только и ждут случая, чтобы напасть на обитателей дома.

Морис пытался объяснить, что для размножения микроорганизмов нужна влажность, а в современных кондиционерах ее нет, зато есть очистительные фильтры. Но его слова не достигали цели. Мирослава поднимала глаза к небу и невинно спрашивала:

– А американские легионеры были протестантами?

Миндаугас вздыхал:

– Наверное, вернее, по большей своей части, скорее всего, да.

У него так и вертелось на языке: «Но вы же не собираетесь за них молиться», однако вслух он этого не произносил. Иначе дискуссия могла затянуться надолго. Друг детства Мирославы, Шура Наполеонов в таких случаях говорил, что спорить с ней себе дороже. Ты ей слово, она тебе десять. Поэтому Миндаугас и на этот раз промолчал. Вместо препирательств он, подняв голову, попытался догадаться, улетел дрозд или все еще скрывается в кроне яблони.

* * *

Время в семь часов в начале июля называется вечерним только теоретически. На самом же деле солнце и не думает скатываться на запад, а зной наслаждается своей безграничной властью над всем живым. В воздухе так и висит на ярких нитях лучей насмешливое – кто не спрятался, я не виновато.

И все, кто может, забиваются в щели, прячутся в норки, под кусты, в кондиционированные помещения, включают вентиляторы и выпивают море жидкости, большая часть из которой, если и помогает кому-то утолить жажду, то только жажду наживы производителям всяких бесполезных, а чаще вредных сладких газированных напитков. Детективам и их гостям в этом отношении повезло. Большую часть напитков Морис делал сам из ржаного хлеба, натуральных ягод и трав. Покупали они только местную минеральную воду.

Без десяти семь раздалась трель звонка. Клиент прибыл. Мирослава к этому времени уже перебралась в свой кабинет. В помещении почти бесшумно работал большой напольный вентилятор. Против него у Волгиной предубеждений не было, и он усердно махал лопастями, стараясь честно выполнять возложенную на него задачу.

Миндаугас открыл ворота и почему-то был удивлен, когда на подъездную дорожку въехала серебристая «Шкода». Он не мог объяснить причину своего удивления и спрашивал сам себя, ожидал ли он увидеть автомобиль из семейства «Лад» или ждал появления клиента на иномарке. Внутренний голос Мориса упорно молчал. Не иначе как заснул от жары...

Клиентом оказался совсем молодой человек. Выбравшись из салона автомобиля, он протянул Морису руку:

– Кораблев Сергей Владимирович, можно просто Сергей. Я вам сегодня звонил, – его васильковые глаза перехватили взгляд светло-голубых глаз Миндаугаса.

– Морис Миндаугас. Сегодня утром вы говорили со мной.

– Да, я догадался, – Кораблев хотел добавить: «по легкому акценту», но вовремя счел это замечание лишним и больше ничего не сказал.

Морис жестом пригласил его пройти в дом. В доме ощущалась приятная легкая прохлада. Наверное, сказывалось то, что здание было окружено деревьями и кустарниками.

Они прошли по коридору и оказались в приемной. Шторы были опущены, почти беззвучно крутился потолочный вентилятор. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта.

– Прошу, – сказал Морис и открыл ее полностью.

За столом Кораблев увидел девушку, как ему показалось с первого взгляда, очень молодую. Червячок сомнения коснулся его сердца, но он тотчас вспомнил отзывы о ней профессора Арнольда Степановича Мережковского и успокоился.

Девушка приподнялась из-за стола.

– Проходите, пожалуйста. Садитесь.

– Здравствуйте. Я Сергей Кораблев, – сказал он, расположившись на стуле напротив нее.

– А я Мирослава Волгина.

– Я знаю...

– Отлично. Тогда приступим к делу.

– Я хотел бы, чтобы вы нашли убийцу моей подруги Зоси Марковны Паниной.

Мирослава оглядела мужчину, и что-то заставило ее спросить его:

– Вы живете в этом городе?

– Нет. До того как отправиться учиться в столицу, я жил сначала в интернате под Лучанском, потом на съемной квартире в Лучанске. Это в 88 км от губернской столицы.

– А учились вы в Москве?

– Да, но решил вернуться в свой родной город. Мне предложили место преподавателя в местном университете.

– Как вам удалось после интерната поступить в столичный вуз? – на мгновение Мирославе показалось, что Кораблев скажет ей, что это к делу не относится.

Но он без ложной скромности проговорил:

– Просто я был очень способным ребенком, выигрывал олимпиады, закончил учебу в интернате с золотой медалью. Много занимался самостоятельно.

Она кивнула в знак того, что ответ принимается, и проговорила:

- Простите за еще один нескромный вопрос...
- Слушаю, – он уже понял, что все эти вопросы, вроде бы никак не относящиеся к делу, она задает для того, чтобы лучше узнать его как человека. И от его искренности зависит, согласится ли она искать убийцу Зоси.
- Что вас заставило бросить столицу и вернуться в Лучанск?
- Ничего не заставило, – открыто улыбнулся он, – просто я люблю свой город. А в столице мне хотелось только получить достойное образование.
- Кажется, я вас понимаю, – отозвалась она и посмотрела на его лицо, на котором уже не было и следа улыбки.
- Вы никогда не были в Лучанске? – спросил он неожиданно.
- Нет.
- Ну вот, – улыбка Сергея получилась грустной, – а ведь наш город из-за своей близости к заповеднику с редкими животными и реликтовыми растениями популярен не только у жителей бывшего Союза, но и у зарубежных туристов.
- Я слышала об этом. А теперь вернемся к вашей подруге, рассказывайте с самого начала.
- Я лучше начну с того, как я вернулся домой.
- Хорошо.
- Пока я учился, соцзащита помогла мне вернуть квартиру, которая принадлежала моим родителям, но потом была незаконно захвачена моими не очень близкими родственниками. О возвращении квартиры в мою собственность я узнал еще в Москве и летел домой, как на крыльях. Первым делом я планировал встретиться с Зосей. Ее телефон не отвечал уже несколько дней, и я беспокоился, что она заболела.
- Зося была вашей девушкой? – спросила Мирослава.
- Не в том смысле, который обычно вкладывают в это понятие.
- То есть?
- Мы вместе учились в интернате. Она мне нравилась. Но она, как я догадывался, воспринимала меня только как друга. Когда она была еще ребенком, я опекал ее точно старший брат. Я был старше Зоси на четыре года, а в детском возрасте даже два года кажутся большим разрывом. Вы понимаете меня?
- Да.
- Поэтому я решил не навязываться и не рассказывать ей о моих чувствах, – Кораблев немного помолчал и продолжил: – Я надеялся, что по прошествии времени все изменится, и Зося полюбит меня. Все годы моей учебы мы обменивались с ней электронными письмами и время от времени созванивались.
- Когда вы разговаривали с ней в последний раз?
- Чуть больше двух недель назад.
- И позднее вы никак не пытались связаться с ней?
- Пытался, но телефон ее молчал, на письма она не отвечала.
- У нее нет родственников?
- Есть старая тетя.
- После интерната Зося жила с ней?
- Нет, у нее была своя небольшая квартирка. Видите ли, – Сергей замялся. Мирослава терпеливо ждала, и он продолжил.
- Ее родители были алкоголиками. К тому времени, как Зося вышла из интерната, их уже не было. А за квартирой приглядывала тетя, – Кораблев снова замялся.
- Я слушаю, – подтолкнула его Мирослава.
- Татьяна Матвеевна, тетя Зоси, хотела сдать ее на время, чтобы у Зоси появились какие-никакие деньги. Но Зося была против.
- Почему?

– Не знаю, – пожал плечами Кораблев.

– Когда Зося вышла из стен интерната, она стала жить одна?

– Нет. Она пустила к себе одну девушку. Яну Шатрову.

– Сдала ей угол?

– Да нет же! – нетерпеливо воскликнул Кораблев. – Яна жила у Зоси совершенно бесплатно.

– Почему же вы, когда Зося перестала отвечать на ваши звонки, не позвонили тетке Зоси или Яне?

– Я не знал номеров их телефонов. И потом, – Сергей виновато вздохнул, – я так забежался со всеми этими делами, связанными с моим переездом из столицы домой, так закрутился, что не придавал слишком большого значения молчанию Зоси. К тому же я знал, что скоро вернусь в Лучанск и увижу ее, – Сергей замолчал и опустил голову.

Мирослава почти физически чувствовала, как ему трудно говорить и все-таки спросила:

– Когда вы вернулись домой?

– Четыре дня назад, – Кораблев пересилил себя и стал рассказывать дальше. – Я завез чемоданы в свою квартиру. Меня заранее предупредили, что ключи будут у соседки-старушки. Я вручил женщине торт, который купил в магазине в доме напротив. А потом кинулся к Зосе. Долго звонил в ее дверь, но мне никто не открывал. Я позвонил в квартиры соседей, но там тоже никто не отозвался. И лишь женщина с первого этажа сказала мне, что Зося убили две недели назад. Я не мог в это поверить! Я был потрясен! Ошарашен! Сначала я просто сидел на лавочке у подъезда и никак не мог сообразить, что же мне теперь делать. А потом я поехал к ее тетке. И она рассказала мне, что Зося убили в парке.

– Ее изнасиловали?

– Слава богу, нет, – покачал головой Сергей.

– Вы были в полиции?

– Был. Но они прямо дали мне понять, что преступление, скорее всего, не будет раскрыто.

– Почему?

Сергей пожал плечами.

– Кто ее обнаружил?

– Влюбленная парочка.

– Причина смерти?

– Ее ударили по голове тяжелым предметом.

– Каким именно?

– Неизвестно. Хотя там раскидано много природных камней.

– В парке? – усомнилась Мирослава.

– Да, Зося нашли на холме, под ним течет ручеек. Камни разбросаны и на самом холме, и вдоль ручья. Обычно в этот уголок забредают именно влюбленные парочки, ищущие укромное местечко.

– Но Зося была там одна?

– Я думаю, что нет, – нахмурился Кораблев.

– А с кем?

– Неизвестно. Но я уверен, что тот, с кем она была, и убил ее.

– Почему вы так думаете?

– Я уверен в этом, – упрямо проговорил Сергей.

– Вам удалось найти девушку, которая жила у Зоси?

– Да. Оказывается, она никуда не пропадала. Просто днем Яна была на работе.

– Кем и где она работает?

– Я не спросил, – смутился Сергей.

– Говорили ли вы с парочкой, обнаружившей Зося?

– Да, в полиции мне дали телефон парня, и я встречался с ними. Но они ничего не знают, – Сергей умоляюще посмотрел на детектива, – я готов отдать вам все свои сбережения! Если надо, то я продам свою квартиру, только, пожалуйста, поедemте со мной в Лучанск. Если не вы, то убийца Зоси останется безнаказанным.

Мирослава задумчиво посмотрела в окно. Кораблев терпеливо ждал.

– Хорошо, – наконец повернулась она к нему.

– Спасибо вам! – вскочил он с места.

– Пока не за что, – остудила она его пыл, – сядьте, вот вам ручка и лист бумаги. Напишите мне имена и фамилии девушки и парня, нашедших Зосю, телефон, по которому можно с ними связаться, адрес Зоси, по которому проживает девушка Яна, адрес тети Зоси, адрес интерната, в котором вы учились, адрес полицейского отделения, в которое вы обращались, а также укажите свой адрес и телефон.

Кораблев писал медленно, то и дело останавливаясь, словно сверял не только каждую букву, но и каждый штрих. Мирослава его не торопила. Когда же он подвинул к ней исписанный лист бумаги, она сказала:

– А теперь ступайте в приемную, там Морис поможет вам заключить договор с нашим агентством, внесете задаток и отправитесь в Лучанск.

– А вы? – вырвалось у него недоуменно.

– Мы приедем через два дня.

– Но почему?!

– Потому, что нам нужно уладить все свои дела здесь.

Она не стала говорить ему, что ей еще нужно решить вопрос с котом. Отдавать его кому-то на время ей не хотелось. Поэтому она прикидывала: попросить Шуру или тетю приезжать, давать Дону еду и выпускать его погулять или оставить открытым окно...

Шура, в связи с его занятостью и ненормированным рабочим днем, отпал сразу. Оставалась тетя, но, взвесив все за и против, Волгина решила тетю не нагружать. Ей пришло в голову, что лучшим вариантом была Клавдия Ивановна Рукавишникова, которая время от времени вместе с внучкой Ксюшей приходила наводить чистоту в их коттедже. Плюсов у этого варианта было два. И бабушка, и внучка любили Дона и жили почти рядом, в частном секторе, который начинался сразу за поселком. Был и третий плюс – детективы полностью доверяли Рукавишниковой и уже оставляли на ее попечение кота.

После того как автомобиль Кораблева выехал с их участка, прошло минут семь, в приемную вошел Морис и посмотрел на Мирославу вопросительным взглядом.

– Едем в Лучанск, – ответила она ему.

Морис сел на стул, стащил со стоящего неподалеку кресла кота и положил его себе на колени, ласково почесал ему за ухом и спросил:

– Когда?

– Ты у Дона спрашиваешь? – улыбнулась Мирослава.

– У вас.

– Через два дня.

– А на кого оставим его? – Морис кивнул на кота, развалившегося у него на коленях.

– Попросим Клавдию Ивановну.

– Хорошо, – одобрил он.

– Ты был когда-нибудь в Лучанске?

– Даже не знал о его существовании.

– Плохо мы еще знаем достопримечательности своей малой родины, – насмешливо, поддразнивая его, проговорила Мирослава.

– Я-то свою родину вдоль и поперек знаю, – отозвался он невозмутимо.

– Большую или малую? – не отставала она.

Предчувствуя подвох, он ответил:

– Я имел в виду Литву.

– А... – протянула она, – если мне не изменяет память, всей-то площади шестьдесят пять тысяч квадратных километров.

– Шестьдесят пять тысяч триста, – поправил он ее, не улыбувшись.

– Извини, про триста километров я забыла.

– А площадь вашей малой области пятьдесят тысяч шестьсот квадратных километров.

– Откуда ты знаешь? – удивилась она.

– Посмотрел в интернете, прежде чем устраиваться к вам на работу.

– Туше! – рассмеялась она, посчитав излишним напоминать ему о площади своей большой родины.

Два дня пролетели незаметно. Все дела были улажены, обе тети и дядя были предупреждены, что их не будет в городе. И, конечно, в известность был поставлен Наполеонов. К удивлению Мирославы, именно Шура спросил:

– А как же Дон? – и предложил: – Хочешь, мы на время возьмем его пожить к себе? Мама за ним присмотрит.

– Спасибо, Шурочка, – растроганно проговорила Мирослава, – но Дону лучше остаться дома, он привык здесь чувствовать себя хозяином. А присмотрит за ним Клавдия Ивановна.

– Тогда ладно, – ответил Наполеонов, который был хорошо знаком с Рукавишниковой, – за кота можно не беспокоиться. Но вас-то куда несет?

– В Лучанск.

Наполеонов присвистнул:

– Вам что, тут дел не хватает?

– Так сложилось, Шурочка. Так что не скучай.

– Это уж как получится, – ответил он и отключился.

Глава 2

Утро третьего дня едва-едва пробуждалось ото сна, но уже чувствовалось, что день будет жарким. Именно поэтому детективы решили выехать пораньше, хотя в «БМВ» и был кондиционер. Этому автомобилю он полагался, и Мирослава, естественно, не стала калечить машину. Есть и есть, решила она.

На шоссе почти не было машин, и Морис увеличил скорость. Через некоторое время он спросил Волгину:

– Мы не слишком быстро едем?

В ответ она только усмехнулась.

– Что-то не так?

– Нет, просто вспомнила анекдот.

– Расскажите.

– Гаишник останавливает автоледи. Она испуганно спрашивает: «Ой, я слишком быстро ехала?» На что страж дорог отвечает вежливо: «Нет, мадам, вы слишком низко летели».

Морис улыбнулся. Остальную часть дороги они ехали молча. Мирослава с интересом рассматривала из окна пролетающие за окном пейзажи. Наконец Морис, слегка притормозив, предупредил:

– Поворот на Лучанск.

– Поворачивай и сбрось немного скорость.

– Хорошо.

Проехав по городу несколько километров, они не направились сразу к Кораблеву, а присмотрели себе временное пристанище. Для этой цели им приглянулась двухэтажная гостиница «Приют туриста».

– Что ж, придется остановиться здесь, – пошутил Морис, выруливая на стоянку, – так как я подозреваю, что гостиницы «Приют детектива» в этом городе нет.

– Скорее всего, твои догадки верны, – согласилась с улыбкой Мирослава.

– Вот только сейчас лето, вы уверены, что места в гостинице есть?

– Надеюсь, что да. Иначе прибегнем к помощи Кораблева.

Едва они вошли в гостиницу, как портье устремил зачарованный взгляд на Мориса.

«Чего это с ним? – подумала Мирослава. Парень не производил впечатления субъекта, интересующегося мужчинами. – Может, просто Морис произвел на него впечатление?»

Вскоре все разъяснилось. Едва они подошли к стойке, чтобы занять номера, портье спросил, не сводя глаз с Мориса:

– Вам один номер?

– Два, – ответил Миндаугас.

Выдав им ключи, парень обратился к Морису с просьбой:

– Дайте мне, пожалуйста, автограф.

– Автограф? – изумился тот и посмотрел на Мирославу.

– Вы тоже можете дать автограф, – великодушно разрешил портье и ей.

– Я что-то не понял? – недоуменно проговорил Миндаугас.

– Но вы же артисты!

– Вообще-то нет...

– А кто же?

– Туристы, – ответила Волгина.

– А... – недоверчиво протянул портье и, подумав полминуты, все-таки решился настоять на своем, – все равно распишитесь. – Он протянул Морису глянцевый лист бумаги в красивой рамочке.

Морис снова посмотрел на Мирославу.

– Напиши ему: «Морис Миндаугас с любовью», – хмыкнула она.

– Слушаюсь, шеф, – улыбнулся Морис и спросил: – Как вас зовут?

– Костя, – расплылся в улыбке портье.

Миндаугас написал то, что посоветовала ему Волгина, и расписался. Довольный портье придвинул лист к Мирославе:

– Вы тоже чего-нибудь черкните.

«С не меньшей любовью присоединяюсь, Мирослава Волгина», – написала она. Довольный парень тотчас спрятал полученный обратно лист.

– Вам это не кажется странным? – спросил Морис, пока они поднимались по лестнице на второй этаж.

– Ничуть, – улыбнулась она, – просто твоя красота начинает сводить с ума не только женщин, но и мужчин.

– Угу, – отозвался он полушутя-полусерьезно, – только вас она почему-то никак с ума не сведет.

– Откуда ты знаешь? – спросила она и лукаво подмигнула. – Может, я уже давно от тебя без ума.

Морис пытливо глянул в ее лицо, и она весело рассмеялась.

– Грешно смеяться над больным человеком, – проговорил он страдальческим голосом.

– И чем это, интересно, ты болен?

– Вам этого не понять.

– Ага. Ладно. Вот начнем работать, и здоровье к тебе вернется в полной мере.

Тем временем он открыл ее номер и поставил саквояж.

Мирослава бросила заинтересованный взгляд на огромную кровать:

– А, может быть, мы зря заказали два номера, – проговорила она с долей сомнения.

– Шутить изволите? – фыркнул он.

– Нет, просто смотри какая большая кровать, мы могли бы на ней спать валетом. А так просто выброс денег на ветер.

Он сердито посмотрел на нее в упор, и она расхохоталась. Морис молча взял свой саквояж и закрыл дверь. Вскоре она услышала шорох в соседнем номере. «Да, стены здесь довольно тонкие, – подумала Мирослава, – но при нашей профессии в этом есть определенное удобство». Она распаковала свои вещи, сходила в душ и позвонила Морису.

– Мне прийти? – отозвался он.

– Давай спустимся вниз и спросим у твоего почитателя, где тут у них есть приличное кафе.

Морис фыркнул и ответил:

– Хорошо. Встретимся внизу.

Увидев их, портье расплылся в улыбке. При этом смотрел он только на Мориса. Парень никак не хотел расставаться со своим заблуждением. Он был уверен, что Миндаугас какой-то заграничный артист, но скрывает это. Мирославу он принимал за сопровождающую гостя в заграничной поездке.

– Иди, – подтолкнула Мориса Мирослава, – спроси у него, где нам можно поесть.

Миндаугас еще и рот не успел открыть, как парень, бросившись ему навстречу, спросил:

– Вы, наверное, покушать хотите?

– Точно, – улыбнулся Морис.

– Так вот, у нас есть свое небольшое кафе. Я вас сейчас провожу. Миша! – крикнул он и помахал охраннику.

– Чего? – спросил тот, не приближаясь.

– Покарауль тут. Я быстро вернусь! Одна нога здесь, другая там.

– Ладно, иди, – флегматично ответил охранник Миша.

«По-видимому, Миша не разглядел в Морисе особу королевских кровей», – улыбнулась про себя Мирослава.

Вскоре они оказались в небольшом, но уютном зале, погруженном в приятную прохладу. На окнах висели голубые шторы, создавая полутьму. Едва слышно жужжали кондиционеры. На голубых столиках были постелены кружевные салфетки. Мирославе даже показалось сначала, что они ручной работы и связаны крючком, но потом она в этом засомневалась. На каждой салфетке стояла синяя ваза, напоминающая формой горшочек, и в ней полевые цветы. «Оригинально и трогательно», – подумал Морис. «Весьма по-домашнему», – присоединились к его мнению мысли Мирославы.

Народу в зале почти не было.

– Выбирайте любой столик, – сказал портье. И, решив поднять престиж кафе в глазах приехавшей пары, проговорил: – Вы не смотрите, что сейчас здесь пусто. К обеду народу заметно прибавится, а к ужину зал будет полон.

Детективы кивнули, давая понять, что верят его словам. Костя улыбнулся, успокоившись, и махнул официанту. И сказал, когда тот подлетел:

– Обслужи по высшему разряду, – и многозначительно подмигнул.

Официант закивал, понял, мол.

– Чего изволите? – спросил он у Мирославы.

«Ну вот, наконец-то и я удостоилась мужского внимания», – улыбнулась она про себя и спросила:

– Можно меню?

– Для вас все что угодно! – воскликнул официант.

«Да парень, никак неправильно истолковал подмигивание Костика», – продолжала улыбаться про себя Мирослава.

– Морис, ты будешь, речную форель? – спросила она, повернувшись к Миндаугасу.

– Очень рекомендую! – вклинился официант.

– Тогда буду, – улыбнулся Морис и спросил: – а что вы нам еще посоветуете?

– Смею ли я? – официант вопросительно посмотрел на Мирославу.

– Дерзайте! – разрешила она.

Вскоре на их столике, кроме форели, уже стояли тарелки с похлебкой по-лучански из индейки с белой фасолью, два вида салатов из местных овощей, десерт из творога с клубникой, пирожки с вишневой и яблочной начинкой и ароматный чай по местному рецепту с добавлением трав.

– Мы не лопнем? – осторожно спросил Морис, оглядев все расставленное на столе.

– Постараемся, – улыбнулась Мирослава и, недолго думая, принялась за похлебку. – О! Вкусно! – искренне похвалила она.

Официант расплылся в довольной улыбке и испарился.

В конце обеда, прихлебывая чай из большой голубой чашки с изображенными на ней коричневыми курочками, Мирослава предположила:

– По-моему, здесь есть мята луговая, зверобой продырявленный и Иван-чай.

– А я еще улавливаю привкус Melissa лимонной, – проговорил Морис.

– А это не может быть котовник?

– Наверяд ли, – улыбнулся он.

Расплатившись, они поблагодарили официанта за добрый совет и, оставив щедрые чаевые, вышли на улицу.

– Ну и жарища! – вырвалось у Мирославы.

– Мне кажется, что мы, когда ехали к гостинице, видели крохотный пятачок с фонтанчиком и скамейками. Может, пойдем туда?

– Нет, – покачала она головой. – Надо позвонить Кораблеву и начинать работать.

Он согласно кивнул, признавая ее правоту. Все-таки они приехали сюда не для дегустации местной кухни и отдыха.

Мирослава достала сотовый и позвонила заказчику. Он не скрывал своей радости.

– Вы приехали? Я так волновался.

– Мы остановились в гостинице «Приют туриста» и сегодня же примемся за работу. Если узнаем что-то стоящее, то сразу вам сообщим. Вы сами, если захотите, можете звонить на мой телефон. А сейчас, если вы свободны, мы хотели бы, чтобы вы сопроводили нас на место преступления.

– Да, я сейчас приеду. В каком номере вы остановились?

– В двадцать восьмом. Но мы ждем вас на стоянке возле гостиницы.

– Уже лечу!

И в самом деле, у Мирославы создалось такое впечатление, что он летел. Кораблев не стал заезжать на стоянку. Приткнув свою «Шкоду» у бровки, Сергей заспешил к стоящим возле «БМВ» Мирославе и Морису.

– Здравствуйте, – приветливо кивнул он. И спросил: – Поедем на моей машине?

– Каждый на своей. Вы впереди, мы за вами.

– Хорошо, – проговорил он с сомнением в голосе.

– Вы опасаетесь, что наш кортеж привлечет внимание? – догадалась Мирослава и проговорила с долей сожаления: – Сергей, ваш городок такой маленький, что огласки нам в любом случае избежать не удастся.

– Не такой уж он и маленький, – почему-то обиделся Кораблев. Видя, что детективы ничего не собираются ему отвечать, он повернулся и зашагал к своей машине.

Детективы скользнули в салон, и Морис вывел «БМВ» на дорогу.

– Да, – проговорил он, – все хотел спросить у вас, а почему мы не поехали на «Волге»?

– Потому что, со слов Кораблева, я поняла, что полиция этого города не заинтересована в расследовании убийства Зоси.

– И что с того?

– Возможно, у них имеется богатый покровитель, который посоветовал им тормознуть дело, – задумчиво проговорила она.

– Вы думаете? – с сомнением в голосе спросил Морис.

– Предполагаю.

– И «БМВ» – способ давления? – усмехнулся Миндаугас.

– В некотором роде, – уклончиво ответила она.

«Шкода» Кораблева сначала ехала прямо, потом повернула налево и, по ощущениям детективов, теперь приближалась к окраине города. Наконец показались высокие белоснежные столбы, напоминающие древнегреческие колонны, а между ними ворота из узорных чугунных переплетений. Ворота были распахнуты настежь. На самом верху было написано «Городской парк города Лучанска». Не так далеко от ворот находилась довольно большая стоянка, на ней и остановилась «Шкода», из салона которой выбрался Сергей Кораблев и, поджидая детективов, крутил на пальце колечко с брелоком.

– Вот, – сказал он, когда Мирослава и Морис подошли к нему, – это и есть наш самый большой парк. Здесь и... – он оборвал себя на полуслове. Было видно, что он пытается справиться с обуревавшими его чувствами. Детективы не торопили его. Наконец он проговорил: – Все, пойдемте.

Начинался парк с небольшой площадки, на которой стоял фонтан, обрамленный газоном, который устилала низкорослые ароматные цветы. Заканчивалась площадка широкой аллеей. Направо и налево вели более узкие тропинки. Кораблев двинулся прямо. Середину аллеи также украшали клумбы с разными цветами, было много роз, которые изумительно пахли в жару.

Вдоль аллеи стояли удобные скамейки, сделанные под старину. Над многими из них покачивались зонтики, защищая присевших отдохнуть от солнца.

Аллея казалась бесконечной, и они шли по ней довольно быстрым шагом минут пятнадцать, а затем Кораблев свернул за зеленую стену покрытой пылью акации. По ту сторону начинался лес, который казался настоящим. Вглубь него разбегалось несколько тропинок. Одна из них, на которую свернул Кораблев, привела их к зеленому пологому холму. Сергей поднялся на него и остановился.

– Вот здесь и нашли Зосю, – сказал он. И пояснил: – В таких укромных уголках любят встречаться парочки.

Мирослава огляделась. Место и впрямь было уютным, не считая камней, встречавшихся не только у подножия, но и на самом холме, где они прятались в густой траве. «Эдак недолго налететь на один из них и расшибить ногу», – подумала Мирослава.

А Кораблев сказал:

– Одним из таких камней, скорее всего, и стукнули Зосю.

– Полиция не нашла, каким именно? – спросила Мирослава.

Сергей покачал головой.

– Мне сказали, что они искали, но не нашли.

«Красивый парк, – подумал Морис, – но очень уж заброшенный».

Точно угадав его мысли, Кораблев пояснил:

– Здесь раньше был лес.

Узкая тропинка с холма вела вниз, к ручью. И смотреть на него было больно глазам, так как лучи солнца ослепительно отражались от поверхности воды.

Мирослава решила спуститься вниз. Морис и Сергей последовали ее примеру. Вдоль ручья также были разбросаны камни. Некоторые из них лежали и в удивительно прозрачной воде. Мирослава присела на корточки и, сложив ладонь лодочкой, зачерпнула прохладную воду. Видимо, где-то совсем рядом били родники. Над ручьем летали голубые и зеленые тоненькие стрекозы, которых Мирослава в детстве называла ниточки-иглочки. Время от времени подлетали и оранжевые жуки-пожарники. Крылья и тех, и других золотились на солнце.

Она почему-то подумала, что булыжник, которым ударили девушку, теперь находится в воде. Если орудием убийства на самом деле был камень, то логичнее всего для убийцы было бы бросить его в ручей. Как говорится – все концы в воду.

– Вы думаете, он здесь? – Кораблев, внимательно следивший за ее взглядом, кивнул в сторону ручья.

– Думаю, что да. Вот только который из этих камней. ...

– Можно попробовать вытащить все их из воды. Возможно, нам повезет и мы найдем именно тот?

– Наверяд ли на нем сохранились частицы крови, – тихо проговорил Морис, – и, тем более, отпечатки пальцев.

Мирослава согласно кивнула.

– Что же делать? – Сергей устремил на Мирославу умоляющий взгляд.

Она осторожно дотронулась до его плеча и сказала:

– Вам лучше поехать домой.

– А вы?

– А мы будем работать. Думаю, скоро люди начнут возвращаться с работы, мы созвонимся с влюбленной парочкой, которая нашла Зосю, и попросим их встретиться с нами.

Сергей хотел что-то сказать, но Мирослава опередила его.

– Нам лучше сделать это без вас.

– Но...

– Нет-нет. Вы не должны постоянно сопровождать нас. Если вы, конечно, хотите, чтобы мы раскрыли убийство вашей подруги.

– Да, я понял, – проговорил он сухо, повернулся и, не оглядываясь, стал подниматься на холм, чтобы спуститься с него с той стороны и уйти из парка.

– Не слишком ли мы жестоко с ним? – спросил Морис, провожая Сергея сочувствующим взглядом.

Мирослава покачала головой.

– Он не должен путаться у нас под ногами и стоять над душой. Его присутствие будет связывать нам руки.

– Это я понимаю.

– Пошли, – сказала она и тоже начала подниматься на холм, – нам придется сюда еще не раз вернуться. Но сейчас нам лучше поговорить со свидетелями.

– Вы хотите пригласить их сюда?

– Нет. По крайней мере, не сейчас. Я не хочу на них давить. В наших интересах расположить их к себе и ненавязчиво подтолкнуть к тому, чтобы они захотели помочь нам. Они должны думать, что делают это добровольно.

– Если они искренно влюблены друг в друга, то будет несложно вызвать у них сочувствие к молодой и, скорее всего, тоже влюбленной при жизни девушке.

– Да, она была влюблена, – согласилась Мирослава.

– У вас тоже сложилось впечатление, что Кораблев считает убийцей парня, с которым встречалась Зося?

– Да, мне тоже так показалось. Что она могла делать в парке одна?

– Однако Кораблеву неизвестно имя ее возлюбленного.

– Но кому-то же оно должно быть известно, – проговорила Мирослава задумчиво.

Глава 3

Несмотря на то, что было уже почти шесть часов вечера, жара и не думала спадать. Мирослава в надежде посмотрела на небо, стараясь отыскать там тучку, готовую пролиться освежающим дождем. Но небо точно в насмешку было упоительно голубым и чистым, на нем не было даже намека на облачко.

Детективы вернулись в гостиницу, где решили сначала поужинать и только потом звонить Александру Касаткину, телефон которого предоставил детективам Кораблев. Холл «Приюта туриста» встретил их упоительной прохладой.

– Как тут хорошо! – вырвалось у Мирославы.

– И это заслуга работающих кондиционеров, – не удержался Морис, но, встретив сердитый взгляд Мирославы, тут же прикусил язык.

– Пойдем в кафе, – предложила она. Но, как и предупреждал официант, во время ужина свободных мест там не было.

– Подождем? – спросил Морис.

Она покачала головой.

– Нет, давай поднимемся к себе и что-нибудь закажем в номер.

Они уже направились к выходу, когда их заметил и догнал официант.

– О! – воскликнул он, не сводя глаз с Мирославы. – Не уходите! У нас вот-вот освободятся два столика, и я вас накормлю. Присядьте пока на диван, я вам сейчас принесу минералку.

– Спасибо, – улыбнулась Волгина, – мы так и сделаем.

Пока они медленно пили принесенную официантом очень вкусную прохладную воду, столики, как он и обещал, освободились. Детективы заняли тот, что ближе к центру. Им хотелось получше рассмотреть собравшуюся в зале публику. Но ничего или вернее никого, достойного их внимания, они не обнаружили.

После весьма умеренного ужина детективы поднялись в номер к Мирославе. Большая стрелка приближалась к семи часам. Волгина села в кресло, кивнула Морису на соседнее и, взяв сотовый, набрала номер Касаткина. Александр отозвался так быстро, словно ждал ее звонка. И вскоре эта догадка подтвердилась. Едва она представилась, как Касаткин проинформировал ее, что ему звонил Кораблев и рассказал, что привез в Лучанск частных детективов из столицы губернии, и очень просил посодействовать расследованию.

– Мы с Леной со своей стороны готовы всячески помогать вам, – заверил ее Александр.

– Спасибо, – ответила Мирослава, – для начала мы хотели бы встретиться с вами и поговорить.

– Вы хотите сегодня?

– Желательно, – ответила Мирослава, не собираясь, однако, настаивать. Волгина включила громкую связь, чтобы потом не пересказывать разговор Морису.

– Ну что ж, у нас сейчас как раз есть время. Давайте встретимся у входа в городской парк. Вы знаете, где это? – спросил Касаткин.

– Да. А вы уверены, что хотите встретиться именно в парке? – осторожно спросила Мирослава.

– Абсолютно! – категорически заявил Касаткин. – Встреча в другом месте мало что может вам дать. А в парке мы покажем вам, где обнаружили убитую девушку.

– А ваша собственная девушка не будет возражать?

– Лена? – искренне удивился Александр. – С чего бы ей возражать?

– День близится к закату, и неприятные воспоминания ближе к ночи не все могут выдержать.

– Лену это не смущает, – заверил ее Касаткин, – к тому же мы часто летом задерживаемся в этом парке почти до полуночи.

– Хорошо. Во сколько мы встретимся?

– К восьми доберетесь?

– Вполне.

– Тогда до встречи.

– До встречи.

– Интересно, что они делают в парке ночью? – спросил Морис, с подозрением рассматривая узоры на ковре.

– Иголки собирают, – фыркнула Мирослава.

– Чего-чего? – изумился он.

– Песня есть такая на стихи Михаила Исаковского «Лучше нету того цветку». И там слова: «И такой на небе месяц – хоть иголки подбирай».

– Понятно, – буркнул Морис, – только я сомневаюсь, что наши влюбленные занимались сбором иголок.

– Ты знаешь, я тоже, – рассмеялась Мирослава, – я бы с удовольствием поговорила с тобой на эту тему подробнее, но нам уже пора ехать.

Детективы не знали, как выглядят парень и девушка и на какой машине они приедут. Может быть, вообще на автобусе или на трамвае. Поэтому, сразу же, выбравшись из автомобиля на стоянке, Мирослава набрала номер Касаткина и тотчас услышала звонок мобильного телефона где-то поблизости. Детективы оглянулись одновременно и увидели парня, достающего телефон. На лавочках возле входа в парк сидело несколько пар, в том числе две пары совсем юные.

– Мы здесь, – проговорила Мирослава в телефон и помахала парню, когда он поднял голову.

Морис закрыл машину и поспешил за Мирославой, которая уже шла навстречу юноше и девушке.

– Здравствуйте, – проговорил парень, – это вот моя Лена. – Он приобнял девушку.

– Здравствуйте. А мы частные детективы Мирослава Волгина и Морис Миндаугас.

– Крутая у вас тачка, – проговорил Александр, но в голосе его не было зависти, только восхищение.

– И у нас такая когда-нибудь будет, – улыбнулась девушка.

– Может, такая, может, другая, – оптимистично проговорил Касаткин, – но будет. А пока мы приехали на дедулиных «Жигулях», – и он кивнул в сторону старенькой «шестерки». – Ничего, бегают, – похвалил он автомобиль.

– Ну что, пойдёмте, – сказала Лена и потянула Александра в сторону входа в парк.

Пока они шли по аллее, девушка не закрывала рта, рассказывая им об истории парка, о цветах, растущих на клумбе. Потом она перешла к истории города. Никто ее не прерывал. Но когда свернули на тропинку, Лена неожиданно, хотя, наверное, ожидаемо притихла. На холм они тоже поднялись молча. Только перед самым подъемом Александр предупредил детективов.

– Смотрите под ноги, здесь в траве камни.

Когда они почти добрались до пологого обрыва, Лена прошептала:

– Вон там она лежала, в траве.

– Мы даже сначала не поняли, что она неживая, – тихо проговорил Александр, – думали, что девушка просто спит.

– Было уже темно? – спросила Мирослава.

– Нет, еще и половины седьмого не было. А темнеть начинает в десятом часу.

– Тогда почему вы не заметили...

– Так голова ее была в траве. Мы только когда ближе подошли, увидели, в какой неудобной позе она лежит.

– В какой?

– Уткнувшись в землю лицом. А потом разглядели рану на затылке.

– Вы сразу позвонили в полицию?

– Да, и в полицию, и «Скорую» вызвали. Но врач ей уже не нужен был.

– Вы дотрагивались до нее?

– Да, я пощупал пульс. Его не было. И она была уже холодная, несмотря на жару, – ответил Касаткин.

– Так, может быть, ее убили не в этот день?

– Нет, не может такого быть. Тут вечером обязательно кто-то появляется. А вот днем здесь в это время года практически никого никогда нет.

– Почему?

– Потому что на этот усеянный камнями холм забираются только влюбленные парочки. Людям постарше не улыбается поразбивать себе ноги.

– Понятно. А если парочек приходит несколько, как же вы делите между собой этот холм?

– А никак. Мы сюда забираемся посмотреть на окрестности. Иногда просто сидим в траве и смотрим на ручей. А для уединения здесь множество интимных местечек. Выбирай – не хочу. Всем хватит.

– А почему власти не очистят холм от камней?

– Кому это надо, – пожал плечами парень.

– У них руки не доходят, – печально улыбнулась девушка.

– Да и вообще, – попытался объяснить Александр, – эта территория уже как бы не относится к парку. Вон видите колышки?

Детективы посмотрели в ту сторону, в которую он указывал рукой, и кивнули.

– Вот там и заканчивается парк. А тут уже начинается дикая природа. Если перебраться через ручей, пройти лугом, то начнется смешанный лес.

– И нам удобно, что власти не облагораживают это место.

– Да? – удивился Морис.

– Ну конечно, – неожиданно подмигнул ему Касаткин, – тут нас никто не трогает. А в самом парке в любую минуту можно нарваться на блюстителей нравственности.

– Некоторые старушки, – пожаловалась Лена, – за простой поцелуй готовы заклевать. А что в нем такого ужасного?

– Ничего, – утешил ее Морис, – мои родители до сих пор, не стесняясь, целуются при мне.

– Вот видите, – подхватила девушка, – нормальные люди. А тут ханжа сидит на ханже и ханжой погоняет.

– Не кипятись, – улыбнулся Саша. – Но в то же время, поймите нас правильно, – обратился он уже к детективам, – мы же молодые, нам и поцеловаться, и обняться хочется. Дома вечно то родители, то дедушки с бабушками, то сестры с братьями. Квартиру снимать пока не по карману. Нам с Ленкой только и остается мечтать – вот выучимся, устроимся на работу, найдем недорогую съемную квартиру и поженимся.

Морису невольно вспомнилась фраза, произнесенная Воландом в «Мастере и Маргарите» Булгакова, что москвичей испортил квартирный вопрос.

На самом деле он испортил не только москвичей, а почти все население страны. Скорее даже осложнил им жизнь.

– Полиция при вас не пыталась найти оружие убийства?

– Почему же не пыталась, – пожал плечами Александр, – как только их врач...

– Судмедэксперт, – поправила Лена.

– Ну да, – согласился Саша, – как только судмедэксперт сказал, что девушке была нанесена смертельная рана тупым предметом, они стали лазить в траве вокруг и стаскивать камни в кучку. Натаскали довольно много. Главный на них уже руками замахал.

– И что с камнями?

– Часть они осмотрели на месте, штуки три увезли с собой.

– А вниз к ручью они не спустились?

– Кто-то из них спускался. Но их майор сказал, что нереально, чтобы камень мог туда после удара скатиться.

– Майору не пришло в голову, что убийца мог специально его туда бросить?

– Видать, не пришло, – вздохнул Касаткин.

– Наверное, после того как нашли убитую девушку, желающих уединиться здесь заметно поубавилось? – спросила Мирослава.

– Это точно, – подтвердил ее предположение Касаткин, – особенно после того, как все это подробно расписали в газетах и напечатали фотографии с места убийства.

– А что, газетчики были здесь в тот день?

– Налетели сразу, откуда ни возьмись.

– Вы им ничего не сообщали?

– Конечно, нет! – в один голос воскликнули Александр и Елена.

– Вероятно, у них был свой человек среди медиков или полицейских.

Александр привычно пожал плечами. А Лена сказала:

– Лично я грешу на полицейских.

– Почему?

– Мне их майор сразу не понравился! – категорично заявила она.

– Вы думаете, что информацию об убийстве газетчикам слил майор?

– Нет, это точно не он, а кто-то из его подчиненных. Может, ему газетчики доплачивают, или он просто хотел насолить начальнику.

– Второе ближе к истине, – усмехнулся Касаткин.

– Почему?

– Потому что этот майор – противный тип.

– В смысле?

– Скользкий какой-то. И у меня сразу создалось впечатление, что ничего он расследовать не будет.

– Почему вы так подумали?

– Не знаю... Но ему даже информация о времени ее смерти была неинтересна.

– С чего вы взяли?

– Когда судмедэксперт сказал, что девушку убили еще утром, майор на него руками замахал.

– Может быть, он не хотел, чтобы слова судмедэксперта слышали посторонние?

Касаткин в ответ только скептически усмехнулся.

– Как вы думаете, убитая приходила сюда для интимной встречи?

– Для чего же она еще могла сюда прийти? – удивилась Лена.

– Но вы же говорили, что влюбленные приходят сюда ближе к вечеру?

– Это да, – на мгновение растерялась девушка, а потом предположила: – Может быть, он назначил ей здесь свидание утром, чтобы поговорить о чем-то важном и не попасться никому на глаза?

– Да дураку ясно, – не выдержал Александр, – он позвал ее сюда, чтобы убить!

– Но зачем?

– Как это зачем? Например, чтобы избавиться от ее притязаний.

– Он мог просто объявить ей о своем решении расстаться.

- Иногда расстаться не так просто, – усмехнулся парень, – даже в наше время.
- Почему же? Убитая была совершеннолетней и небеременной.
- Может быть, она его чем-то шантажировала, – предположил Касаткин.
- Эту версию исключать нельзя, – согласилась Мирослава.
- А что, если это была не девушка убийцы?
- То есть?
- Допустим, она ждала своего парня, а тут пришел этот, изнасиловал ее и убил! – Лена сделала огромные глаза.
- Кораблеву в полиции сказали, что следов насилия на теле девушки обнаружено не было.
- Они могли наврать! – горячо возразила Елена.
- Зачем?
- Мало ли...
- Послушай, успокойся, – попытался остудить подругу Касаткин, – а то ты сейчас договоришься до того, что ее изнасиловал сам майор на том основании, что он гнусный тип.
- А что? – воскликнула девушка. – Ты верно подметил, он гнусный тип!
- Экспертиза вообще не обнаружила следов полового акта, – тихо проговорила Мирослава.
- Ну, тогда я не знаю, – вздохнула Елена.
- Ее могли ограбить, – проговорил Александр и подергал себя за мочку уха, – но вроде у нее ничего не взяли. Полиция нашла и деньги, и телефон.
- И серьги на ней были дорогие, – быстро добавила Елена.
- Какие дорогие? – спросила Мирослава.
- Маленькие, в виде звездочек и с бриллиантиками.
- Морис подумал, что на самом деле серьги были не такими уж дорогими...
- Точно догадавшись о его мыслях, девушка сказала:
- Конечно, для какого-нибудь начальника среднего звена и даже рядового менеджера это не проблема. Он мог накопить деньги за какое-то время. Но их точно не мог подарить своей девушке студент.
- Мирослава считала это заявление спорным. Студенты бывают разные. Кому-то помогают родители, кто-то, уже учась в вузе, находит подработку по будущей профессии. Но говорить вслух она ничего не стала. Поблагодарив добровольных помощников, детективы предложили им покинуть парк. Но Касаткин сказал, что они с Леной еще ненадолго здесь задержаться.
- В таком случае, до свидания, – сказали детективы.
- Вы звоните нам, если мы вам понадобится! – крикнул им вдогонку Александр.
- Обязательно.

Глава 4

Время подходило к десяти вечера. Но за окном по-прежнему было жарко. В номере работал кондиционер, поэтому окна были закрыты. Мирослава несколько раз подходила к окну и, отодвинув шторы, смотрела сквозь стекло на улицу.

– Послушай, – спросила она Мориса, – почему они не посадят возле здания много-много деревьев? Тогда жара не будет так сильно ощущаться.

– Но здесь же прохладно, – сказал Морис и принялся за грушу, съев перед этим пару персиков.

Мирослава пила только воду. Фрукты они купили на местном рынке, а воду в небольшом магазине недалеко от гостиницы. Бросив взгляд на начавшую мерить шагами гостиничный номер Мирославу, Миндаугас вздохнул. Он понимал, что ее угнетают закрытые окна. «Все-таки в ней есть что-то кошачье», – подумал Миндаугас, вспомнив, что Дон терпеть не мог закрытых дверей и громким мяуканьем требовал, чтобы их открыли.

Но вот Мирослава опустила в кресло напротив него и вытянула длинные ноги.

– Хорошо, что Касаткин и Золотницкая сами предложили нам встретиться в парке.

– И так удачно для них, что они смогли там остаться после нашего ухода...

– Думаешь, наше присутствие помогло им преодолеть психологический барьер?

– Типа того. Все-таки, по-моему, не слишком приятно миловаться, зная, что совсем недавно в этом месте убили девушку.

– Люди привыкают ко всему, – философски заметила Мирослава и неожиданно взяла сотовый с явным намерением позвонить кому-то.

Когда абонент ответил, Волгина включила громкую связь.

– Кто это? – спросил девичий голос.

– Частный детектив Мирослава Волгина.

– О!

– Сергей Кораблев, наверное, говорил вам?

– Да, но я сейчас не могу говорить, потому что я не дома.

– А где?

– На дежурстве. Я медсестра.

– Извините.

– Приезжайте завтра ко мне домой, вернее, на квартиру Зоси. Я пока живу у нее. Мне Татьяна Матвеевна разрешила. А других родственников у Зоси нет.

Детективы догадались, что Яна имела в виду Омельянову – тетю погибшей девушки.

– Во сколько нам подъехать? – спросила Мирослава.

– Если можно, часиков в одиннадцать.

– Хорошо. Доброй вам ночи.

– И вам, – отозвалась девушка и отключилась.

– Значит, завтра с утра едем к Шатровой? – уточнил Морис.

– Угу. А пока выметайся к себе.

– Вы ляжете спать?

– Нет, сначала немного почитаю.

– Что ж, я последую вашему примеру, – проговорил он, направляясь к двери, – спокойной ночи.

– Спокойной.

Как только за Морисом закрылась дверь, Мирослава сразу бросилась к окну и распахнула его. Горячий воздух вполз в номер. «И почему в июле всегда так жарко? – подумала Мирослава и сама себе ответила: – Потому что лето». Она мысленно перенеслась в свой коттедж. В доме,

окруженном садом, жара не ощущалась сильно. «И что теперь делает Дон?» – подумала она. Но позвонить даже самому умному коту было нельзя, поэтому она набрала номер сотового своей тетки Виктории.

– Мирослава? – раздался расслабленный голос.

– Теть, извини, я, кажется, тебя разбудила.

– Нет, – рассмеялась Виктория и спросила: – Ты сегодня смотрела за окно?

– Здесь ужасная жара, кондиционер... – начала Мирослава.

– Ты в гостинице?

– Да.

– И что, там кондиционер гонит тепло? – удивилась тетка.

– Нет, просто я открыла окно.

– А... – протянула Виктория. – С тобой все понятно. Но если ты уже все равно открыла окно, то посмотри на небо.

– Смотрю.

– Что ты там видишь?

– Луну...

– Она ничего тебе не напоминает?

– Не знаю, тетя. Может, хрустальный розовый шар...

– А мне яблоневый лепесток, – тихо отозвалась Виктория.

– Ты написала стихотворение, – догадалась Мирослава.

– Да, только что закончила, перед твоим звонком.

– И дядя еще ничего не знает? – лукаво спросила Мирослава.

– Угу.

– Но раз уж я все равно позвонила, прочитай сначала мне, а потом ему.

Виктория не стала артачиться:

Точно яблони лепесток, Розовая луна. Ты б увидеть ее тоже смог, Если б выглянул из окна. Но не знаю я, чем ты занят И что в мыслях сейчас у тебя. И куда твое сердце тянет, Созерцая или любя. Но надеюсь я, что любовь, Пробудившаяся ото сна, Приведет тебя в дом мой вновь, И дорогу укажет луна.

– Теть, здорово, – тихо проговорила племянница, – так и обволакивает нежностью.

– Я рада, что тебе понравилось.

– Я сделала запись твоего прочтения. Сейчас пойду Морису дам послушать.

– Оставила бы ты парня в покое, он уже, наверное, спит, – рассмеялась Виктория.

– Я тихонько постучу ему в дверь. Если он спит, то будить не буду.

– Ну ладно, иди. Тебя ведь все равно не отговорить от того, что ты уже задумала.

– Передавай дяде привет.

– Передам.

– Пока.

– Пока.

Мирослава закрыла окно, потом вышла на балкон и, перебравшись на соседний, тихонько постучала в стеклянную дверь. Через некоторое время за стеклом появилась фигура Мориса. Он стоял и с удивлением смотрел на девичью фигуру в лунном свете. На всякий случай он протер глаза, потом все-таки открыл дверь и впустил ее в свой номер.

– Почему именно через балкон? – спросил он небрежно.

– Так ближе, – отозвалась она.

– А, что-то срочное?

– И да, и нет. Я не разбудила тебя?

– Нет. Но я как раз собирался ложиться спать.

– Как у тебя прохладно, – проговорила Мирослава. Он догадался, что она открывала окно. И спросил:

– И зачем?

– Что зачем?

– Окно открывали?

– Чтобы на луну посмотреть. А еще я тете звонила.

– И как она?

– Она тоже на луну смотрела.

Морис невольно улыбнулся.

– И чего ты усмехаешься? – рассердилась она.

– Я не усмехаюсь, а улыбаюсь.

– Не придирайся к словам!

– Я?!

– Ладно, проехали. Я чего пришла-то?

– Наверное, догадались, кто убил Зою.

– Нет! Не порть мне настроение! Я хочу дать тебе послушать стих.

Морис указал ей жестом на кресло и присел сам.

– Слушаю.

Мирослава включила запись на воспроизведение, и в комнате зазвучал плавный голос Виктории Волгиной. Когда запись закончилась, Морис сказал:

– Спасибо, что дали послушать.

– Пожалуйста, – Мирослава поднялась и направилась к балконной двери, но Морис опередил ее, осторожно развернул за плечи и довел до двери.

– Лучше так, – напутствовал он.

– Какая ты скучная личность, – притворно огорчилась она.

– Ну что же тут поделаешь, – улыбнулся он и, подождав, пока она зайдет в свой номер, закрыл дверь. «Вот уж с кем не соскучишься», – пробормотал он себе под нос по-литовски.

На следующее утро он тихонько постучал в дверь Мирославы.

– Вы проснулись?

– Представь себе, – она открыла дверь и впустила его внутрь.

Он догадался, что она только что из душа. От нее приятно пахло лавандовым мылом, длинные русые волосы рассыпались по плечам и спине.

– Подождешь, пока я причешусь? – спросила она.

– Куда же я денусь, – улыбнулся он в ответ.

– К Шатровой ехать еще рано, и мы могли бы спуститься вниз и позавтракать.

– Только я подозреваю, что наши поклонники – портье и официант – сменились.

– Ничего, очаруем новых, – беззаботно отозвалась она.

– А то, с нашими-то способностями, – весело поддержал ее уверенность он.

Спустившись в кафе, они обнаружили сразу несколько свободных столиков. По-видимому, ранние пташки уже позавтракали и разлетелись по своим туристическим и иным делам, а те, кто любит спать подольше, еще не проснулись.

Дверь квартиры, принадлежавшей когда-то Зосе, им открыла худенькая светловолосая девушка, одетая, несмотря на жару, в черное трико и свободную светло-сиреневую блузку в крупную клеточку.

– Вы мне звонили вчера? – спросила она.

– Да, – подтвердила Мирослава.

А Морис добавил:

– Вообще-то вы должны были это спросить до того, как открыть нам дверь.

– Ладно, кому я нужна, – отмахнулась девушка, мимолетно улыбнувшись.

– Ваша подруга Зося, – начал Миндаугас, но Яна сразу прервала его.

– Зося – совсем другое дело, – сказала она, сразу погрузившись.

– Почему вы так считаете? – спросила Мирослава, усаживаясь на мягкий стул, предложенный Шатровой. Она уже успела окинуть комнату взглядом. Все здесь было не новым, но аккуратно отстиранным и отглаженным. И поэтому даже льняные чехлы, бывшие когда-то ярко-желтыми, сохраняли достоинство, став уже бледно-соломенными. В старой югославской стенке стояла на видном месте посуда, произведенная в бывших Чехословакии и ГДР. Отдельно располагались чашки и фужеры советского производства. В другой секции рядами теснились книги. Было видно, что их не просто читали, но и перечитывали.

Заметив интерес Мирославы, Яна пояснила:

– Дедушка Зоси был кадровым офицером, они с бабушкой несколько лет жили в разных странах, потом он ушел в отставку, и распада страны его сердце не выдержало. Мама Зоси, его дочь, вышла замуж не совсем удачно. Ее муж оказался пьющим человеком. Она сначала пыталась отучить мужа злоупотреблять, но после смерти своей матери завила вместе с ним. Зося определили в интернат.

– Как же они не пропили все это? – спросила Мирослава.

– Не успели, – пояснила Яна, – отравились паленым алкоголем. И у Зоси осталась только двоюродная тетя.

– Она навещала Зося в интернате?

– Да. А на каникулы брала к себе домой.

– И вы хорошо ее знаете?

– Татьяну Матвеевну? – слегка удивилась Шатрова и ответила: – Да, неплохо.

– Вы не знаете, почему Зося не стала жить с ней после интерната?

– Ну это же просто, – пожалала плечами Яна, – Зося стала взрослой и хотела жить отдельно.

– То есть одна? – уточнила Мирослава.

– В некотором роде да, – не совсем уверенно подтвердила девушка.

– Почему же в таком случае Зося сдала вам комнату?

– Она ничего мне не сдавала! – возмутилась девушка.

– То есть?

– Я живу здесь совершенно бесплатно!

– То есть Зося занималась благотворительностью, – не поверила Мирослава.

– Это не совсем так, – вздохнула Шатрова и добавила: – лучше я расскажу вам с самого начала историю нашего знакомства.

– Расскажите.

– Я приехала сюда из другого города и устроилась работать медсестрой в местную больницу. Квартиру я заранее сняла по объявлению у одной женщины. И мы сначала отлично поладили. Я прожила у нее шесть месяцев, но вдруг она завела себе молодого любовника. Парень стал часто приходить ко мне, и вместо того, чтобы уделять все свое внимание хозяйке квартиры, он стал делить его между нами двоими.

– Вы позволяли ему это делать?

– Нет, конечно! – возмутилась Яна. – Я всячески отбивалась от его домогательств. А однажды хозяйка застала нас во время его приставаний ко мне на кухне. Она не стала разбираться, кто прав, кто виноват, просто выставила меня на ночь глядя на улицу.

– Сочувствую.

– И куда мне идти? – спросила девушка.

– На вокзал?

– На вокзал. Я сдала свои пожитки в камеру хранения. А днем мне на работу, моя смена. На работе я ничего не сказала. На следующий день попыталась найти комнату, но мне это не удалось. Либо хозяева заламывали цену, либо предлагали жилье за городской чертой.

– А гостиница? – спросил Морис.

– Шутите? – грустно улыбнулась Яна.

«Европеец еще не въехал, что гостиница не по карману медсестре из провинциального городка», – с иронией подумала Мирослава.

– Вы могли бы обратиться за помощью к коллегам, – сказала она.

– Наверное, могла бы. Но я боялась, что информация дойдет до начальства и меня, как бездомную, вышибут с работы.

– Разве это возможно? – удивился Морис.

– А то! – ответила ему Мирослава и спросила Шатрову: – Что же вы предприняли?

– Ничего, – вздохнула девушка, – я вернулась на вокзал, забилась в угол и стала реветь. И тут кто-то дотронулся до моей руки. У меня душа ушла в пятки. Я подумала, что это полиция, и чуть не умерла от страха. Подняла глаза, готовая уже ко всему, и увидела, что это никакая не полиция, а девушка примерно моего возраста. Она спросила: «Как тебя зовут?» И я ответила: «Яна». Она улыбнулась: «А я Зося. Ты чего реवेशь?» И я сама не знаю, почему все ей рассказала. Тогда она и предложила пожить у нее. Я сразу предупредила, что не смогу много платить. Но Зося отмахнулась и привезла меня к себе. Сначала я думала, что останусь у нее на время, но потом как-то так вышло, что я продолжаю жить у нее до сих пор, – Яна закрыла лицо руками и тихо заплакала.

Детективы не утешали ее, просто ждали, когда она выплачется. И Яна вскоре затихла. А потом сказала:

– Теперь-то мне придется отсюда съехать.

– Разве Омельянова гонит вас?

– Нет, Татьяна Матвеевна – добрая женщина, она разрешила мне здесь пожить.

– У нее есть дети?

– Нет, – покачала головой Яна, – у нее вообще нет никаких других родственников, кроме Зоси. – На глаза Яны снова набежали слезы.

– Вы могли бы предложить Омельяновой умеренную плату...

– Да, но теперь, когда Зоси нет, получается, что я снимаю не комнату, а целую квартиру, – погруженная в свои невеселые мысли девушка покачала головой.

– Насколько я понимаю, – спросила Мирослава, – пока вы жили с Яной, то, не оплачивая съем квартиры, все-таки вносили деньги за коммунальные услуги?

– Да, мы делили с Зосей расходы пополам. Мы и на продукты сбрасывались. Все у нас было поровну. А теперь, – Яна всхлипнула.

– Теперь вам придется полностью оплачивать коммунальные услуги. Но я бы на вашем месте не впадала в уныние и поговорила с Татьяной Матвеевной. Вы ведь даже понятия не имеете, как Омельянова смотрит на ваше проживание здесь, и не знаете, сколько она с вас запросит. Думаю, что сейчас тете Зоси вообще не до чего.

– Да, вы правы, – подтвердила девушка, – Татьяна Матвеевна очень переживает смерть Зоси. Она сразу постарела лет на десять, и глаза у нее все время на мокром месте.

– Тем более, вы могли бы поддержать пожилую женщину в ее горе. А через какое-то время можно будет поговорить с ней и о квартире.

Шатрова закивала.

– А теперь перейдем к другим вопросам, которые мы хотим вам задать.

– Я слушаю, – пролепетала девушка.

– У вас есть парень? – напрямую спросила Мирослава.

Девушка неожиданно покраснела до самых корней волос и спустя какое-то время покачала головой.

– Нет. – И спросила сама: – Почему вы об этом спрашиваете?

– Когда ведется расследование убийства, то свидетелям задают самые разные вопросы.

– Но какой же я свидетель? – удивилась Яна. – Я ведь не была на месте преступления.
– Однако вы лучше других знали убитую, так как жили с ней долгое время под одной крышей.

– Полтора года, – тихо обронила Шатрова.

– Ну вот видите, это приличный срок для того, чтобы узнать человека.

– Может быть, – согласилась Яна, – но Зося не очень-то любила откровенничать о своих личных делах.

– И все же что-то она вам говорила?

– Говорила, – согласилась Яна. – О работе в основном.

– А об интернате она когда-нибудь вспоминала?

– Да, бывало, – кивнула Шатрова.

– И как она отзывалась о времени, проведенном там? Отрицательно или положительно?

– В основном положительно. Помню, она даже как-то сказала: «Представляешь, как мне повезло с интернатом!» Я еще тогда удивилась и спросила: «Чем же?» А она ответила: «Вон посмотри и послушай, что о детских домах и интернатах по телевизору говорят! Такое впечатление, что там одни садисты работают! А у нас все учителя и директриса были хорошие, внимательные». Я спросила: «А сами ребята?» Она сказала, что и ребята все были нормальные. Тогда я предположила, что их интернат такой благополучный, потому что расположен в глубинке и люди живут здесь неозлобленные.

– А что на это сказала Зося?

– Она подумала и согласилась.

– А кого-то из своих бывших однокашников она выделяла?

– Ну конечно! – воскликнула Шатрова, – Сергея Кораблева! Зося всегда говорила, что он ей как брат!

– А еще?

– Вроде бы у нее там была подруга, но она живет не в Лучанске. Зося к ней иногда в гости ездила.

– Вы не знаете ее адрес?

– Увы. Я не спрашивала.

– А как зовут подругу?

– Кажется, Маргарита, – неуверенно проговорила Яна.

– Почему кажется?

– Потому что, упоминая при мне свою подругу, Зося называла ее Маргоша.

– А теперь мы подошли к самому главному. – Мирослава заметила, что Шатрова вся напряглась: – Был ли у Зоси любимый человек?

Яна вздохнула так глубоко, словно ей не хватало воздуха, и прошептала побелевшими губами:

– Только не спрашивайте меня, кто он.

– Значит любимый человек имелся.

Яна молча, кивнула.

– А почему вы не хотите назвать его имя?

– Потому что я его не знаю.

– То есть? – удивились оба детектива.

– Зося никогда не называла его имени!

– Но почему?

– Я не знаю...

– Но у вас должны быть хотя бы догадки относительно странной скрытности вашей подруги.

– Зося говорила, что он из очень элитной семьи.

- Интересно, – Мирослава обернулась к Морису, – кого мы можем отнести к элите?
Он усмехнулся.
- Политиков, депутатов и бандитов.
- А я-то по простоте душевной думала, что это профессора вузов, медики, учителя, люди искусства и науки.
- Морис снова фыркнул.
- Признаю, мои представления устарели, – и Мирослава спросила, обращаясь к девушке: – Яна, он сын депутата?
- Скорее всего, нет. Видите ли, у нас в последнее время разные богатые люди прямо за городом стали скупать землю и строить там коттеджи. Зося как-то намекнула, что родители ее избранника небогаты и живут в Лучанске.
- То есть родители парня простые смертные?
- Типа того. Но у него есть очень богатая тетя, и она может лишиться единственного племянника наследства, если он вздумает жениться на воспитательнице из детского сада. Поэтому он не решался гневить свою тетю, и они скрывали свои отношения.
- Приехали! – вырвалось у Мирославы. – А вы сами верили в эту сказку?
- Яна пожала плечами.
- И верила, и не верила. Но я думала, что она встречается с женатым мужчиной...
- Эта версия более правдоподобна, – согласилась Мирослава, – город маленький, и влюбленные не хотели огласки.
- Особенно если родители жены очень элитные, – проговорил Морис без тени улыбки.
- Да, – выдохнула Яна.
- Они часто встречались? – спросила Мирослава.
- Вначале да. – Шатрова на некоторое время замолчала, а потом неуверенно продолжила: – Мне кажется, что у Зоси с ее любимым что-то в последнее время пошло не так...
- Может быть, он бросил ее?
- Наверное, не совсем...
- То есть Зося могла его чем-то шантажировать, чтобы удержать?
- Нет, что вы! – испуганно воскликнула Яна. – Зося была не такая! Она бы не смогла.
- Почему?
- Она, она не так была воспитана.
- «Ну да, – подумала Мирослава. – Даже если девушка воспитана в лучших пансионах, она может пойти на многое, если попала в ловушку любовной зависимости».
- Зося по-настоящему любила своего парня, – словно угадав ее мысли, проговорила Яна. Она закусила нижнюю губу почти до крови, а потом выпалила: – Если бы это нужно было для его счастья, то Зося отпустила бы его без упрека. Сама бы страдала, мучилась, а насильно удерживать бы не стала.
- Что ж, возможно, вы и правы. А у Зоси было в жизни еще что-то важное, кроме ее любви к неизвестному?
- Важное? – задумалась Яна, а потом обрадованно проговорила: – Зося готовилась поступать в институт, и с ней занимался ее школьный учитель, в которого она когда-то была влюблена. Она говорила, что он раньше преподавал в интернате, а потом ему предложили место в городе, и он переехал.
- Так, может быть, у нее любовь была именно с ним?
- Нет, что вы! – отмахнулась Яна. – Это в отрочестве Зося была им увлечена. Просто детская любовь.
- Говорят, что старая любовь не ржавеет, – обронила Мирослава.
- Да нет же, говорю я вам! Владимир Кириллович женат. И жена у него строгая, – добавила она.

– А как фамилия Владимира Кирилловича?

– Ашмарин. Только зря вы думаете, что между ним и Зосей хоть что-то было, кроме занятий.

– Хорошо. Спасибо вам, Яна. Мы учтем ваше мнение.

Шатрова грустно посмотрела сначала на Мирославу, потом на Мориса и жалобно проговорила:

– Только вы найдите настоящего убийцу Зоси, – Яна всхлипнула, – Зося была такой хорошей, такой чистой, как ангелочек. И я не хочу, чтобы он остался безнаказанным.

– Мы найдем его, – тихо, но твердо пообещала Мирослава.

Глава 5

Добравшись до гостиницы, детективы окунулись в приятную прохладу. Мирослава, к радости Мориса, больше не пыталась распахнуть окно. Есть им не хотелось, поэтому они, не надеясь особо на положительный результат, заказали в номер чай и мороженое. И очень удивились, что такая услуга существует в провинциальном отеле.

Мирослава окунула ложку сначала в горячий чай, а потом в вазочку с мороженым.

– О! Вкусно! – выдохнула она с наслаждением.

Морис улыбнулся. Зная, что Волгина вообще-то мороженое не жалует, можно было догадаться, что оно действительно вкусное.

– Вы всерьез подозреваете в убийстве Паниной школьного учителя? – осторожно спросил он, проглотив кусочек таящего во рту орехового мороженого.

Она пожала плечами.

– В принципе, сам знаешь, что мы должны подозревать всех. Но, если честно, школьный учитель в моем списке подозреваемых располагается во втором десятке.

«Ого, – подумал Морис, – она уже наметила себе больше десяти подозреваемых, а я держу в уме всего одного». Но потом он решил, что шефиня, как он звал про себя Мирославу, явно преувеличивает.

– Кто же у вас в первом десятке? – поинтересовался он не особо настойчиво.

– Меня заинтересовал поселок богатеев, притулившийся к Лучанску. Им что здесь, медом намазано?

– Можно сказать и так, – отозвался Миндаугас.

– Что ты имеешь в виду?

– Тишину, экологию. Здесь вам и река, и заповедник рядом, и горы, и никакого столичного шума, гама, суеты.

– Откуда ты все это знаешь, милый гастарбайтер, – улыбнулась она.

– Спасибо за то, что хотя бы милый, – с иронией ответил он, – вообще-то у меня вид на жительство. А женюсь – и гражданство получу.

– Ты что, еще и жениться здесь собираешься? – приподняла она брови.

– Собираюсь, – не моргнув глазом, подтвердил он, а потом добавил серьезно: – В интернете посмотрел. И надо заметить, окрестности здесь потрясающие!

– Морис, ты просто сокровище.

– Кстати, – оживился Миндаугас, – по-моему, песня «Из-за острова на стрежень» написана где-то здесь.

– С чего ты это взял? – прищурилась она, с удовольствием проглатывая очередную ложечку мороженого.

– Потому что ландшафт местности подходит.

– Это не доказательство!

Морис улыбнулся.

– И чему ты радуешься? – напустила она на себя сердитый вид. – Место он удобное нашел! – И сбавила тон: – А бабу жалко.

– Какую бабу? – не сразу понял Миндаугас.

– Княжну персидскую.

– Разве она баба?

– А что мужик?

– Нет, но...

– Короче, его самого надо было в Волгу спихнуть! Кат, он и есть кат, – подытожила Мирослава.

- Кат – это кто? – решил уточнить Морис.
- Стенька.
- Нет, я это понял. Я не знаю, что значит слово «кат».
- А, это. На Руси так называли заплечных дел мастеров, короче палачей и бандитов.
- Надо же. А я читал, что кат – это вечнозеленый кустарник из семейства бересклетовых.
- Про кустарник я ничего не знаю, – заявила Мирослава.
- Тогда будем считать, что мы расширили кругозор друг друга, – подмигнул ей Морис.
- Считай, что хочешь, – отозвалась она и вздохнула.
- Вы чем-то огорчены?
- И да, и нет.
- А нельзя ли поподробнее?
- Можно. Я вспомнила, тетя говорила, что в юности она думала, что нет ничего ужаснее партийной номенклатуры.
- Но потом тетя переменили свое мнение? – улыбнулся Морис.
- Нет, к большинству партийных боссов она и сейчас относится очень плохо. Но теперь появились, как грибы после дождя, всевозможные нувориши, мнящие себя элитой.
- Это потому, что дождь был токсичный, – невинно заметил Миндаугас.
- Нахвтался бог весть каких словечек у... – она щелкнула пальцами, подбирая выражение поприличнее.
- У загнивающего Запада, – любезно подсказал он.
- Ох, Морис, и доведешь ты меня до греха своими подколами, – погрозила она.
- И вы меня уволите?
- Не сразу...
- Сначала поставите на вид или объявите выговор?
- Я пошлю тебя в эротическое путешествие в русском стиле.
- Все! – поднял он руки. – Я умолкаю.
- Очень разумное решение с твоей стороны.
- И какие у нас на сегодня планы?
- Посетить еще раз парк, точнее то место... – она не договорила.
- Когда?
- Прямо сейчас.
- Но сейчас на улице очень жарко, – напомнил он.
- В машине у нас кондиционер, а в парке, наверное, жара чувствуется не слишком сильно.
- Наверное, – согласился он неуверенно и спросил: – А нельзя перенести поездку на вечер?
- Нельзя! – отрезала она и пояснила: – Вечером там могут появиться влюбленные парочки. И их присутствие может нас стеснить.
- Морис не стал спрашивать, как присутствие влюбленных может стеснить их. Логически рассуждая, можно прийти к заключению, что это они могут помешать парочкам. Но Мирослава всегда приспособливалась логике к своей интуиции, и переубеждать ее было бесполезно.
- Ну что ж, – сказал Морис, оторвавшись от своих мыслей, – раз вам приспичило ехать именно сейчас, поехали. Я человек подневольный.
- Бедненький ты мой, – поставив пустую вазочку на столик, сказала она и, подойдя к креслу, в котором сидел Морис, села на подлокотник.
- Он опасливо покосился на нее. А потом спросил:
- Вы хотите еще мороженого?
- Она покачала головой.
- Нет. Просто я думаю о тетушках...
- О каких тетушках?!

– Успокойся! Не о своих. Помнишь, Шатрова сказала, что возлюбленный Зоси Паниной вроде бы ожидал наследство от престарелой тетушки.

– Помню, но почему именно от престарелой?

– Потому что если от здоровой и цветущей, то ждать ему придется долго.

– Однако тетя может быть молодой, но не очень здоровой...

– Сейчас медицина будь здоров! – оптимистично заявила она. – Особенно если у болящего есть деньги.

– Допустим, – ответил он слегка охрипшим голосом. Ощущение ее близости даже в охлажденном кондиционированном воздухе бросало его в жар.

Мирослава едва заметно улыбнулась и, решив не изводить собственного сотрудника, вернулась в свое кресло. Морис облегченно перевел дыхание.

– Так вот опять же о тетушках, – вернулась она к теме разговора, – неплохо было бы узнать, сколько всего одиноких богатых дам проживает в элитном поселке и у кого из них имеется молодой племянник.

– Можно уточнение?

– Конечно!

– Тетушка не обязательно одинокая.

– Но если у нее есть дети, то она не оставит деньги племяннику.

– У нее может быть муж.

– Наверяд ли... Если есть супруг, то у него могут иметься собственные родственники.

– Да, но ведь она могла сама получить наследство от первого мужа. В таком случае она может не считать себя обязанной брать в расчет родственников второго мужа.

– Ты прав, – согласилась она, – но давай сначала прошерстим одиноких теток.

– Давайте, – решил не спорить он. – Но где вы собираетесь взять список этих богатых дам?

– Есть у меня несколько вариантов...

Каких именно она не объяснила, а он не стал спрашивать, зная, что имена информаторов всегда держатся в тайне.

– Я подожду вас у себя, – сказал он и отправился к себе в номер.

Едва за Морисом закрылась дверь, Мирослава набрала номер сотового. Сначала она позвонила одному человеку, интересуясь, может ли он составить для нее список одиноких богатых женщин, живущих в элитном поселке возле Лучанска. Дамам должно быть за шестьдесят. Собеседник пообещал выполнить ее просьбу, но Мирославу не устроили сроки.

– Ладно, – сказала она, – не бери в голову, – и отключилась.

Второй набранный ею абонент заметно обрадовался ее звонку и обещал скинуть списки ей на электронную почту в ближайшее время.

Она поблагодарила его и для приличия спросила:

– Как жена, как дети?

– Все хорошо, – рассмеялся он, – стесняюсь спросить, как поживает ваш кот?

– Отлично поживает, – рассмеялась в ответ Мирослава и отключилась.

Идти и стучать в дверь Мориса ей было лень, поэтому она позвонила ему: «Едем!»

Через десять минут они уже выруливали со стоянки. Мирослава проинформировала Мориса, что списки одиноких богатых женщин из поселка возле Лучанска ей обещали скоро прислать. В ответ он только кивнул. Но когда они проехали уже почти половину пути, решил спросить:

– А вдруг богатая тетушка живет не в поселке, а в самом Лучанске?

– Я это учла и попросила, чтобы этих дам, если они имеются, тоже внесли в список.

Теперь Морис был удовлетворен.

Несмотря на то, что парк утопал в зелени, на аллее было очень жарко, и детективы потопились преодолеть ее и достичь зеленого холма. Однако и нахождение там не принесло им желаемой прохлады. Скорее наоборот, детективам казалось, что солнце буквально зависло над центром возвышенности.

– Трава густая, но в нее все равно не спрячешься, – проговорила Мирослава, плюхаясь на землю.

– Осторожно! – воскликнул Морис. – Здесь же может быть в любом месте камень.

– Я не подумала об этом, – призналась она с виноватой улыбкой, – но фортуна уберегла мой зад.

Морис фыркнул и сказал:

– Поглядите, вокруг ни одной живой души, как вы и хотели.

– Угу. Тут сейчас шашлыки хорошо жарить без всякого костра.

– А что будем делать здесь мы?

– Думать!

– У меня такое впечатление, – пожаловался Морис, – что мои мозги уже запеклись.

– Ничего подобного, – утешила его она.

И вдруг, хотя еще мгновение назад на небе не было ни одного облачка, пошел дождь. Крупные капли, не обращая внимания на солнце, падали на траву и медленно сползали по листьям. Мирослава сначала смотрела зачарованно на этих серебряных улиток, но когда дождь усилился, скомандовала:

– Бежим!

– Куда?

– Вниз.

Они спустились, вернее, почти скатились с холма, и Мирослава, схватив Миндаугаса за руку, потащила его под сень деревьев.

– Во время дождя нельзя прятаться под деревьями, – предостерег он.

– Так молнии же нет, – беззаботно отозвалась она. И он, вздохнув, подчинился.

Деревья над их головами образовывали ветвями настолько плотный полог, что на детективов не упала ни одна капля.

– Как тут хорошо, правда? – тихо спросила она. И он кивнул.

Редкий дождь при ярко светившем солнце лениво падал на землю. И тенистый зеленый парк под золотистой сеткой солнца и дождя был похож на даму под вуалью.

«Романтика», – подумала Мирослава и покосилась на Мориса. На лице ее помощника лежала печать задумчивости и тихого восторга. «Умеет человек наслаждаться прекрасными моментами», – улыбнулась про себя Волгина.

Миндаугас то ли от того, что догадался о ее мыслях, то ли от переизбытка чувств, лаково потерся щекой о ее висок. Она тихо вздохнула. Ей было очень жаль разрушать идиллию, окутавшую их. Но дело есть дело, и она спросила:

– Морис, как ты думаешь, Яна пришла сюда на встречу со своим возлюбленным или с кем-то другим?

– Я не думаю, что девушка пришла сюда на деловую встречу. Даже если это случилось утром, – ответил он.

– Да, пожалуй...

– Только не говорите мне, что встречу здесь ей назначила старушка, пообещав свое благословение, а потом пристукнула бедную девушку камнем.

– Это был бы лихо закрученный сюжет. Но, думаю, ты прав, старушка тут ни при чем. В то же время, зачем парню убивать свою девушку, если она не беременна?

– Разве убивают только беременных? – удивился Морис.

– Будучи беременной, она могла его шантажировать.

– Как?

– Да очень просто! Например, пригрозить, что все расскажет его тетке.

– Но в этом случае деньги потерял бы не только парень, но и она сама.

– Тоже верно...

Однако через минуту она выдала новое предположение.

– Парень мог перевернуться к другой.

– Да, но Яна сказала, что в таком случае Зося бы отпустила любимого человека.

– Мало ли что сказала Яна.

– Но Шатрова взяла это не с потолка. Ясно же, что об этом ей сказала сама Панина.

– Морис! Никогда не нужно верить тому, что говорит девушка под наплывом чувств.

– А вам можно верить? – неожиданно спросил он.

– Смотря в чем, – честно ответила она.

– И в чем же можно?

– В работе и в дружбе.

– А в любви?

– Миндаугас! И откуда ты такой дотошный свалился на мою голову?!

– Не увливайтесь, – твердо произнес он.

– Насколько мне известно, в античные времена клятвы, произнесенные на ложе любви, не принимались в расчет.

– Мы с вами не в античном мире, а в современном.

– Отстань!

Дождь закончился так же неожиданно, как и начался. Мирослава вышла из-под кроны укрывавших их деревьев и направилась в сторону аллеи, ведущей к выходу. Морис двинулся следом за ней. Он чувствовал легкую досаду и в то же время понимал, что не стоило говорить с ней на эту тему...

В гостиницу они вернулись не слишком довольные друг другом и самими собой. Разошлись, не сговариваясь, по своим номерам. Вечером Миндаугас тихо постучал в ее дверь.

– Да-да, – откликнулась она.

– Мы пойдем ужинать? – спросил он, едва приоткрыв дверь.

– Пойдем, но попозже. Зайди на минутку.

Он вошел и, сев в кресло напротив Мирославы, обратил на нее вопросительный взгляд. Она протянула ему свой телефон.

– Посмотри, мне прислали списки.

– Хорошо бы их распечатать, – пробормотал Миндаугас.

– Скинем на флешку и распечатаем. А пока так посмотри.

– Угу. Оказывается, богатых тетюшек не так уж мало, – задумчиво обронил он. – Хорошо еще, что город маленький.

– Не так страшен черт, как его малютка, – пошутила она.

– Что? – не понял он.

– Это такая шутка. В оригинале – не так, как его малюют.

Он догадался.

– Вы уже отыскали, кого можно выбросить из списка?

– Да. У некоторых тетюшек вместо племянников племянницы, есть те, у кого и племянник, и племянница или два племянника. Всех этих дам можно выбросить.

– Я бы не стал выбрасывать тех, у кого два племянника, – не согласился он.

– Хорошо, их пока оставим, но проверять будем во вторую очередь.

– Итак, – подвела она итог, – если мы вычеркнем тех, у кого племянницы, и отложим на потом тех, у кого несколько племянников, то останутся пятеро. Двое из них замужем, одна обручена, двое полностью свободны. Вот этой пятеркой и займемся.

Морис покачал головой.

– Ну чем ты опять недоволен?!

– Тем, что вы предлагаете вычеркнуть тетушек, у которых есть и племянник и племянница.

– Морис!

– Ну что Морис? Разве не могут претендовать на наследство и парень, и девушка?

– Могут. Но Панина в разговоре с Яной не говорила, что у ее возлюбленного есть соперники в вопросе наследования.

– Он мог вовсе не считать их соперниками, если они являются его сестрами или братьями.

– Тебе никто не говорил, что ты зануда?

– Нет, – улыбнулся он.

– В таком случае, тетушек, имеющих племянника и племянницу, будем отрабатывать в третью очередь.

– В третью, так в третью, – не стал спорить он и спросил: – Мы идем ужинать?

– Идем. Кстати, – она толкнула его в бок, – сегодня, кажется, дежурит твой обожатель.

– В таком случае в кафе нас накормит ваш обожатель, – не остался он в долгу.

Детективы переглянулись и рассмеялись. Они не ошиблись. Портье, выпросивший автограф, ослепил Мориса улыбкой сразу, как только увидел. А официант, увидев входящих в зал детективов, понесся им навстречу на всех парах и, преданно глядя в лицо Мирославы, предложил удобно расположенный столик и обслужил их в первую очередь.

– Все-таки блат – великое дело, – проговорила Мирослава, сохраняя серьезное лицо.

А Морис не выдержал и, покачав укоризненно головой, улыбнулся.

– Вы живете пережитками прошлого.

– Прошлым – не прошлым, – возразила она, – а ужин мы едим в настоящем.

После ужина, несмотря на неспавшую жару, они решили немного прогуляться. Заодно распечатали списки. А потом нашли небольшой, но уютный сквер с фонтаном и уселись возле него.

– Днем здесь, наверное, полно голубей, – сказала Мирослава.

– Наверное. А вы не заметили, что голуби, живущие в парках и скверах, отличаются от тех, что живут во дворах?

– Конечно, заметила! Они, как бы это точнее выразиться, более подтянутые. А дворовые мне напоминают неухоженных обленившихся коров.

– А вы не боитесь обидеть этим сравнением коров? – улыбнулся Миндаугас.

– Я об этом как-то не подумала, – призналась Мирослава. – Но мне их жаль. Они же не виноваты, что родились на чердаках «хрущевок» и вынуждены питаться отходами из контейнеров. А парковые голуби едят червячков всяких, семена злаков.

– А что мешает дворовым голубям поискать червячков на газонах?

– Лень, наверное, – вздохнула Мирослава.

– Вот-вот. Поднимайтесь, пройдемся по аллее и вернемся в гостиницу.

Вернувшись, они уединились в номере Мирославы и разделили полученные фамилии и адреса женщин на три списка. Только после этого Морис ушел к себе. А Мирослава, не открывая на этот раз окна, улеглась спать.

Глава 6

Утром Волгина позвонила тете убитой девушки, Омельяновой Татьяне Матвеевне, представилась и попросила разрешения немедленно приехать.

– Приезжайте, – вздохнула Татьяна Матвеевна, – мне Сережа о вас рассказал.

Мирослава тут же перезвонила Морису.

– Мы едем к тете девушки.

– Только после завтрака, – отозвался он.

Учитывая, что им придется находиться неизвестно сколько времени на жаре, детективы ограничились самым легким перекусом, какой только им смогло предложить кафе при гостинице. Минеральную воду они прихватили с собой.

Татьяна Матвеевна жила в «сталинке» почти в самом центре города. Новый шестнадцатизэтажный дом, возвышавшийся сзади, закрывал жильцам высотки свет.

– Точечная застройка, – прокомментировал Морис, паркуя автомобиль.

– Недавно фильм шел про времена Ивана Грозного, и вот я подумала, что бы сделал сей добрейший царь, столкнувшись с отцами точечных застроек.

– Знамо что, – подражая голосу Шуры Наполеонова, проговорил Морис, – на кол бы посадил.

– Боюсь, что я не стала бы его осуждать.

Жильцов «сталинки» могло утешить то, что двор был зеленым и даже клумбы с цветами имелись вместо привычных глазу прямоугольных газонов. Тетя девушки, не дожидаясь пока детективы поднимутся на этаж, открыла дверь. Из чего Мирослава сделала вывод, что окна квартиры Омельяновой выходят во двор. Едва Морис и Мирослава подошли к двери, Татьяна Матвеевна сообщила:

– А я сразу, как только увидела вас, догадалась, что это вы ко мне приехали.

– Здравствуйте, Татьяна Матвеевна!

– Здравствуйте, проходите.

Видя, что детективы снимают обувь, Омельянова засуетилась.

– Я сейчас вам тапочки гостевые достану.

– Не надо, – дружелюбно сказала Мирослава, – мы так пройдем, у нас хотя бы ноги от обуви отдохнут.

Хозяйка квартиры невольно задержала взгляд на ногах детективов, ей бросилось в глаза, что, хотя размер ноги девушки и был меньше, чем у парня, носки на них были одинакового цвета. Да и светлые брюки, кажется, были из одной и той же ткани. Мирослава заметила, что Омельянова рассматривает их, и подмигнула Морису. Он улыбнулся в ответ, подумав про себя: «Хорошо, что в шортах не заявились».

Хозяйка привела их в гостиную, жестом предложила сесть на старенький диван и спросила:

– Чай принести? Я и ватрушки испекла.

– Нет, – отказались детективы, – большое спасибо, но мы сыты. И жарко очень.

– Да, у меня окна круглые сутки открыты и портьеры опущены, но жара и ночью не отпускает.

– Мы постараемся не задержать вас надолго.

– Мне торопиться некуда, – печально вздохнула женщина и села на мягкий стул, такой же старенький, как и диван.

– У Зоси не было других родственников, кроме вас?

– Нет, – покачала головой Татьяна Матвеевна и добавила, словно оправдываясь, – умерли все. А теперь я и вовсе одна-одинешенька осталась, – тяжело вздохнула женщина.

Детективы промолчали. Что тут можно сказать.

После небольшой паузы Мирослава спросила:

– А Зося часто вас навещала?

– Да, – закивала Татьяна Матвеевна, – каждую неделю забегала моя девочка. Иногда и чаще. Хоть и работала, и в институт готовилась, а для меня время всегда находила. Иногда они вместе с Яной приходили, – и женщина поспешно пояснила: – Это девочка, которая у Зоси живет.

– Да, мы успели с ней познакомиться. Она ведь по-прежнему живет в Зосиной квартире. Хотя теперь она уже ваша, – добавила Мирослава.

– Да, конечно, живет. Не на улицу же мне ее гнать. Да и много ли мне радости с той квартиры, – вздохнула женщина.

– Я думаю, что, если вы договоритесь, Яна бы сняла ее у вас за приемлемую цену.

– Пусть так живет. Как при Зосе было, – твердо проговорила Омельянова, – лишь бы оплачивала коммуналку. А мне платить не надо.

«Удивительное бескорыстие в наше время», – с уважением и некоторой печалью подумал Морис. Женщина явно не была богачкой, и лишние деньги бы ей не помешали. Мирослава подумала о том же самом и проговорила:

– Вы могли бы перебраться в Зосину квартиру и жить вместе с Яной. Места там хватит. А эту квартиру сдавать и получать хоть какие-то деньги.

Омельянова посмотрела на нее озадаченно. Этот вариант, когда и овцы целы, и волки сыты, не приходил ей в голову.

– Я подумаю, – тихо сказала Татьяна Матвеевна, – и с Яной посоветуюсь. В глубине сердца ей очень хотелось иметь рядом с собой хоть одну родственную душу. А Яна Шатрова ей всегда нравилась. Вежливая, уважительная, дружелюбная и к тому же медсестра.

Мирослава, решив, что судьбу Яны она как бы устроила, перешла к главному вопросу.

– Татьяна Матвеевна, а Зося никогда не приходила к вам со своим парнем?

– Что вы, нет! – отмахнулась Омельянова. – Я вообще считала, что и парня у нее никакого нет.

– Откуда же вы узнали, что он был?

– Из газет, – тяжело вздохнула женщина, – это я уже потом стала Яну трясти, и она призналась мне, что у Зоси кто-то был. Но кто – и сама Яна не знает.

– А вас не удивляет, что ваша племянница так тщательно скрывала ото всех своего любимого человека?

– Еще как удивляет! – горячо воскликнула женщина. – Я вообще не могу понять, зачем она это делала.

– Наверное, он просил ее об этом, – осторожно предположила Мирослава.

– Он! А то кто же! – сразу подхватила Татьяна Матвеевна. – Сама Зосенька никогда бы на такое не пошла. Она была девочкой открытой, честной. Никогда меня не обманывала. А тут такое! – Женщина обхватила голову руками и стала раскачиваться из стороны в сторону.

– Татьяна Матвеевна, успокойтесь, пожалуйста. Нам нужна ваша ясная голова, иначе вы не сможете нам помочь разоблачить убийцу Зоси.

– Так я ведь ничего и не знаю! – с горечью воскликнула женщина.

– Может быть, и знаете, – тихо проговорила Мирослава и, видя, что Омельянова хочет ей возразить, быстро продолжила: – Нередко так бывает, что человек сам не осознает, что ему известны какие-то факты, которые кажутся ему незначительными. А на самом деле именно они могут привести к разгадке.

– Вы думаете? – недоверчиво спросила женщина.

Мирослава кивнула.

– Тогда спрашивайте.

- Родители Зоси скончались, когда она была ребенком?
- Да, Зосеньке было восемь лет.
- Это была ваша идея поместить ее в интернат?
- Не совсем. Мне посоветовали знающие люди. В этом интернате хорошие воспитатели и учителя. Мы поехали туда с Зосей вместе, и она сначала побыла там неделю. Если бы она не захотела оставаться, я бы взяла ее к себе. Но мы обе понимали, что я не смогу дать ей то, что она смогла получить в этом интернате.
- На каникулы Зося приезжала к вам?
- Да. И я каждый раз спрашивала, хочет ли она вернуться обратно.
- И она хотела?
- Да, хотела. После интерната она выучилась на воспитателя и пошла работать в детский сад.
- Татьяна Матвеевна, вы сказали, что в этом интернате были хорошие учителя, почему же Зося сразу не поступила в институт?
- Я тоже ее об этом спрашивала.
- И что же она ответила?
- Сначала она говорила мне, что хочет работать именно с маленькими детьми.
- А потом передумала?
- Да, она захотела получить высшее образование. Я сразу поддержала ее в этом.
- И с ней занимался ее бывший учитель?
- Да, Владимир Кириллович Ашмарин.
- Вы хорошо его знаете?
- Неплохо, – ответила Татьяна Матвеевна, – я же часто ездила в интернат, пока Зося там училась и общалась со всеми учителями.
- А вы не знаете, почему Ашмарин покинул интернат?
- Ему предложили работу в школе в Лучанске.
- Здесь выше зарплата? – прямо спросила Мирослава.
- Этого я не знаю, – ответила Омельянова и замолчала.
- Мирослава почувствовала, что женщина что-то недоговаривает и решила заставить Омельянову высказаться до конца.
- Может быть, в интернате у него были проблемы с учениками?
- Да что вы! – возмутилась Татьяна Матвеевна. – Дети обожали Владимира Кирилловича!
- Тогда что же заставило его покинуть прежнее место работы?
- Понимаете, – вздохнула Омельянова, – жена Ашмарина, Виталина Леонидовна, ему всю плешь проела!
- То есть?
- Она хотела жить в городе. Тем более что родители и квартиру им помогли купить. Владимир Кириллович сопротивлялся-сопротивлялся, а потом все-таки уступил женошке. Будь она неладна! – вырвалось у Омельяновой.
- У Виталины Леонидовны сложный характер?
- Не то слово! Язва!
- Понятно, – Мирослава постаралась не улыбнуться и бросила пробный камень, – от такой жены не грех и загулять.
- Нет! – поджала губы женщина. – Никогда ничего подобного за Владимиром Кирилловичем замечено не было.
- Иногда прознать про чью-то измену весьма сложно. Люди соблюдают конспирацию.
- Да и некогда ему гулять-то по женщинам. – Работа в школе, дом, репетиторство.
- Вот репетиторство как раз и дает возможность ускользнуть из дома.

– Так-то оно так, – с сомнением проговорила тетя Зоси, – да только все его ученики и ученицы – дети.

– Кроме Зоси, – напомнила, как бы невзначай, Мирослава.

– Кроме Зоси, – повторила за Мирославой Татьяна Матвеевна, не вникая в скрытый смысл подброшенных детективом слов. Но вдруг опомнившись, спросила: – Что вы имеете в виду?!

– Мы узнали, что Владимир Кириллович был первой любовью Зоси.

– Да что за глупости такие! – сердито рассмеялась Татьяна Матвеевна. – И кто вам мог такое сказать?

– Говоривший лишь передал слова самой Зоси.

– Да мало ли что девчонка может ляпнуть, не подумавши!

– С одной стороны, вы правы, а с другой стороны, первая любовь, заснув на время, может пробудиться снова.

– Выбросите это из головы! Такое просто невозможно.

– Но этим можно было бы объяснить скрытность вашей племянницы, – гнула свое Мирослава.

– Нет! И еще раз нет! – закричала Омельянова.

– Хорошо, – неожиданно согласилась Мирослава.

Женщина облегченно вздохнула. Этот вздох одновременно и насторожил детектива, и заставил задуматься.

– Татьяна Матвеевна, – осторожно начала Мирослава, – после того, как Зоси не стало и вы узнали, что причиной ее гибели, прямой или косвенной, мог быть человек, которого она любила и имя которого так тщательно скрывала от окружающих, вы не могли не задуматься о том, кто бы это мог быть.

– Конечно, я думала об этом все ночи напролет, – призналась Омельянова.

– И что?

– Я думаю, что в газетах написали правду.

– Разве там написано о том, кто мог ее убить?

– Не напрямую, – смутилась женщина, – но там сказано, что Зося убил ее любовник.

– А...

– И, наверное, он из тех, – Омельянова указала пальцем на потолок.

– Но зачем ему убивать Зося? Она не была беременна. И как говорит Яна, в силу своего характера не могла шантажировать любимого человека.

– Это так, – печально согласилась женщина. – Но ведь если он червивый, то он мог подумать, что и Зося такая и рано или поздно она расскажет, кто ее любимый. А тут, – Татьяна Матвеевна сделала многозначительную паузу, – ему и крышка.

– Вы хотите сказать, что он лишился бы наследства?

– Да, что-то в этом роде мне и приходит в голову.

– Ну что ж, – сказала Мирослава, поднимаясь с дивана, – большое спасибо, Татьяна Матвеевна, что вы разрешили нам прийти и поделились с нами вашими сомнениями.

– Я что, – махнула рукой женщина, – это все Сережа.

– Вы имеете в виду Кораблева?

– Его, конечно. Если бы не он, то никто и не стал бы искать убийц Зоси.

– А вы не знаете, почему местная полиция не заинтересована в расследовании?

– Да, они у нас вообще чох, мох, не дал бог, – в сердцах проговорила Омельянова, – им бы лишь ничего не делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.